

УДК 130.2

В. А. Сулимов

**Самотрансценденция и преодоление:
аспекты смысловой деятельности¹**

В статье рассматриваются проблемы трансформации современного сознания. Определяются когнитивные признаки анализа сознания как самостоятельного социокультурного феномена. Показывается глубинная связь между его значимыми состояниями: самотрансценденцией, преодолением и инсайтом.

Ключевые слова: сознание, текст, состояния сознания, когнитивные процессы.

V. A. Sulimov. Self-transcendence and overcoming: aspects of semantic activity

The article deals with the problems of modern consciousness transformation. Cognitive signs of the analysis of consciousness as an independent socio-cultural phenomenon are defined. The deep connection between its significant states is shown: self-transcendence, prediction and insight.

Keywords: consciousness, text, states of consciousness, cognitive processes.

Являясь основанием для человеческого бытия вообще и современного социального бытия в частности, деятельность привычно рассматривается исследователями как способ формирования человеческого сегмента мира — культуры, социального порядка, личного и общественного капитала, духовности. Связь между деятельностью и внутренней сущностью человека была показана еще К. Ясперсом, представившим историю как последовательность смены сознания от дотекстового состояния, через письменно-текстовое состояние к гипертекстовому состоянию (трансценденции или самотрансценденции), означающему выход человека за пределы «реального» в

¹ Статья написана в рамках проекта № 17-13-1103 а/р при поддержке РФФИ и Республики Коми.

мир абсолютной виртуальности, хорошо соотносимый с бесконечным калейдоскопом Космоса (К. Ясперс). Формирование сознания через текстовую деятельность, которая уже сама по себе является воображаемой (виртуальной), создает множество смысловых проекций, позволяющих на определенном этапе развития индивидуума (и=общества) перейти к когнитивному механизму самотрансцендирования. При этом самоактуализация через власть, самоактуализация через удовольствие уступают место самоактуализации через смысл: его понимание, воспроизводство и порождение. Этот процесс (процесс самоактуализации через смысл) и его роль в очеловеченном мире очень точно определил В. Франкл: «Самоактуализация — это не конечное предназначение человека, это даже не его первичное стремление. Если превратить самоактуализацию в самоцель, то она будет противостоять самотрансценденции человеческого существования. Самоактуализация, подобно счастью, является следствием, результатом осуществления смысла. Только в той мере, в какой человек осуществляет смысл во внешнем мире, он осуществляет и себя. Если он собирается актуализировать себя, а не смысл, то самоактуализация немедленно утратит свою суть» [8, с. 37]. Таким образом, всегда то, что составляет суть человека (во внешнем и внутреннем мирах) является результатом, «откровением» самоактуализации, происходящей перманентно как непрерывный процесс утверждения смыслов (т. е. самотрансценденции).

В наших работах (например, [7]) мы показывали историческую сущность такого процесса индивидуального смыслового наполнения мира как цивилизационное (и=культурное) основание становления личности в онтогенезе и филогенезе. Описанный нами в виде отдельного социокультурного феномена эффект Преодоления — Опрокидывания демонстрирует работу некоторой когнитивной диалектики, еще не исследованной в достаточной степени, но обладающей совершенно определенными чертами: а) социального регулирования (позитивная динамика «справившихся» и негативная динамика «не справившихся» со сложными экзистенциальными ситуациями понимания/ощущения хорошо показана в различных работах по общей социальной динамике); б) культурно-антропологического моделирования (человеческие сообщества формируются из людей определенного культурно-антропологического типа — *самоактуа-*

лизированных, потому относительно социально независимых и не-самоактуализированных, потому относительно более социально зависимых, а соотношение этих типов показывает вектор социокультурной динамики); в) степени креативной ориентации (наличие индивидуумов способных / не способных создавать тексты культуры: литературные, научные, политические, проективные, художественные и др.). При этом излюбленные психологами типы характера, степень чувствительности и импульсивности, коллективизм / индивидуализм, параноидальность / шизофреничность сознания никак не просматриваются в качестве базовых факторов *Преодоления* (самоактуализации). Другое дело, что, по мнению ряда исследователей, не-самоактуализация, или *Опрокидывание* личности (несущее множество социальных и личностных проблем)¹, прямо связано с аутоошибкой, внутренними процессами эрозии личности: «Всякое зло, болезнь определяется всегда некоторой аутоошибкой (aute-ergo): именно сам субъект противопоставляет себя жизни в силу своей стратегии, своего интереса, в силу отклонения, в силу повторения обычных своих ошибок... Человек наделен свободой, что позволяет ему противоречить себе» [5, с.71].

Самоактуализация, встроенная в общий процесс поиска смысла, проявляет неизбежное противоречие: с одной стороны, влечение к самоактуализации (глубинная мотивация самопроявления человека в социуме) есть производное от его свободы, культурно-генетической индивидуальности, потребности его постоянного саморазвития как интеллектуальной и деятельностной сущности; с другой стороны, миметическая встроенность человека в социальные (и=коммуникативные) отношения делает его заложником единственно возможной — коллективной — формы существования, параметры которой определяются существующими нормами, ценностями и правилами коммуникации (информационного обмена). Человек вступает в активную фазу своей деятельности и когнитивного поиска в ситуации внутреннего разрыва между индивидуальными мотивами и социальными факторами, находящимися в разных плоскостях экзистенциального пространства (пространства

¹ Достаточно вспомнить такие социально-психологические состояния, как агрессивность, инфантилизм, социальный эгоизм, бесчувственность и безответственность.

восприятия-осмысления), но сопрягаемыми в силу действия общего антропного принципа, приписывающего Вселенной свойства ее наблюдателя и наоборот [11], что в конечном счете объективирует любые наборы противоречивых проявлений индивидуума. Другими словами, поднимаясь по хорошо известным ступеням «пирамиды Маслоу» от природной витальности к идеальной мотивированности, приписанной культурой, человек в течение всей жизни сталкивается с трагической обратимостью: попытка Преодоления часто приводит к Опрокидыванию, отбрасыванию высших символических целей, опусканию в «чувственный мир» (по П. Сорокину), вплоть до новой попытки и нового «пикового переживания» (по А. Маслоу). Происходит постоянная субъективация социального за счет актов Преодоления, совершаемых индивидуумом не впервые (еще и еще раз). Обратный процесс — *объективации субъективного* — происходит в иной плоскости, приводя к фрустрационным результатам¹.

При этом важно то, что вообще универсальность моделей оказывается под вопросом в условиях все более фрустрирующего мира. И. Валлерстайн указывал на деструкцию принципа универсализма, сходного, по его мнению, (как и общая эпистемология) с верой в незыблемость некоторых общих принципов существования мира: «Вера в универсализм — главная опора идеологического небосвода исторического капитализма. Универсализм — вера в такой же степени, что и эпистемология» [1, с. 203]. А. И. Фурсов в предисловии к последнему переводному изданию И. Валлерстайна очень точно показал тот методологический сдвиг, который отражает системные перемены социального мира: появление совершенно новых объектов исследования, переход от равновесных ситуаций к неравновесным, к флуктуациям, к «нелинейной динамике», резкое повышение роли субъекта и его интеллектуальных и социальных практик (десистематизация социума) [1, с. 17]. В таком ракурсе мы можем представить процесс исторического движения «ударных», порождающих смыслов в контексте триады *онтология* (квантор всеобщности) — *эпистемология* (квантор системности) — *гносеология* (квантор субъективности, векторности). Познание все больше соответствует сете-

¹ Интересно, что объективация субъективного широко представлена не только в повседневных практиках оправдания неудачи, но и в управленческих практиках, часто заменяя институт экспертных оценок.

вому, векторному, синтетическому строению мира, включающему все выделяемые фрагменты в качестве органических и развивающихся частей.

Взаимосвязь социального субъекта и социальной системы, образующей единый субъектно-объектный антропный кластер, который серьезно влияет не только на индивидуальное развитие/деструкцию, но и на развитие/деструкцию больших социальных групп и миров, наблюдал Э. Фромм. Анализируя марксизм с социально-антропологических позиций, он выявил одну интересную особенность: неравновесность социально-экономического пространства, возникшая на исходе XIX века и проявившаяся полностью в веке XX. Сущность этой неравновесности Э. Фромм выразил в схеме прямой/обратной связи между экономикой, характером социальных отношений и набором активно действующих идей и идеалов: «Не только экономический базис создает определенный социальный характер, который, в свою очередь, порождает некоторые идеи. Однажды созданные идеи тоже оказывают влияние на социальный характер и опосредованно — на социально-экономическую структуру общества. Я подчеркиваю здесь то, что социальный характер — это промежуточное звено между социально-экономической структурой и господствующими в обществе идеями и идеалами. Причем это посредник в обоих направлениях: от экономического базиса к идеям и от идей к экономическому базису» [9, с. 335]. Подвижность «базиса», социальной системы и мира идей, «перетекающих» друг в друга в ситуации увеличения подвижности социокультурной динамики, напоминает флуктуацию смыслов, возникающих и исчезающих в ходе попыток реализации индивидуумом вертикальной динамики личности. В современном информационно-знаниевом обществе эта вертикальная динамика не только усложняется, но и зачастую «рвет» нарратив (историю, биографию) личности. Преодоление сменяется Опрокидыванием, самоактуализация прекращается, возникает цепочка трагических «обнулений» интерпретационных и деятельностных стратегий — все возвращается на круги своя, расширяя зону умолчаний. Здесь снова подтверждается бесспорно текстовый характер современной виртуализированной реальности, но не в плане строительства больших и относительно устойчивых «текстовых империй» (М. Эпштейн), а наоборот — в плане непроизнесения, умолчания, «резервирования» или «обнуления» уже од-

нажды выработанного смысла (смыслов). У. Эко в одной из последних своих работ писал об этом: «Текст скрывает ту беспредельную часть мира, которая его не интересует, как бы покрывает его слоем, пре- дает забвению, заменяет наши представления о мире собственными исключительными представлениями о возможном универсуме так, что “с огромным вниманием и усилием ума” те отпечатываются и го- сподствуют затем в нашем воображении. Еще лучше, если мы чита- ем текст (или смотрим на него, если речь идет о визуальном тексте), как будто мы уединяемся с ним и в нем “во тьме и спокойствии но- чи”, — так что в итоге “глубокая и живая идея” новых образов “изго- няет первоначальные идеи”. Текст в той мере, в какой он нас погло- щает, сметает с лица земли все, что было ранее, о чем он не говорит и к чему не обращается...» [10, с. 91]. На самом деле текст, отвечая на задачу осуществления Преодоления массовым субъектом (субъ- ектом интеллектуализированной массы) создает внутренний фронт- ир, провоцируя смысл на его грани, на попытке глубинного и часто мгновенного — симультанного понимания (результативного пере- сечения пространства текста). Внутренний диалог, о котором писа- ли М. Бахтин и Ю. Кристева, оказывается особенным диалогом — ди- алогом «на фронтире» внутри и между текстами, порождающими в своем столкновении смыслы и становящихся поэтому «генератора- ми смыслов» (Ю. М. Лотман). Собственно говоря, текст (имея в виду текст в широком смысле этого слова как *текст культуры*: литера- турный, художественный, научный, СМИ, проектный и пр.) осущест- вляет инициацию самотрансценденции, способствует формирова- нию базовых компонентов человека-в-культуре: интеллектуальной самодостаточности, социальной проективности, коммуникативной включенности.

С трансформацией всего поля текстов культуры в контексте но- вых информационных трендов связаны и коммуникативные послед- ствия. Исследователи отмечают технологически заданные серьез- ные социальные смещения в мире современной «посткультуры». Прежде всего, наличие и развитие социальных сетей, охватывающих громадные социальные группы, приводит к их смысловому домини- рованию, к перемещению фронта с «окраины текста» на «окрай- ну социального дискурса»: «... центр внимания перемещается с лю- дей и социальных структур на процессы постоянного взаимообмена,

процессы, которые мы можем характеризовать как реляционные» [3, с. 239]. С другой стороны, как бы противореча сетевому характеру социокультурной динамики как вечного обмена, возникает новая самость, новый информационный текст, новый «Я-комплекс», формируемый наиболее успешными и активными интернет-блогерами (иногда — с миллионными аудиториями): «...сегодняшние социальные сети дают каждому возможность стать в центр мира и обратиться к глобальной аудитории. И действительно: аудитория каждого поста в интернете потенциально глобальна» [4, с. 11].

Релятивизация и новая интернет-персонализация личности приводит человека-в-культуре к двум социокультурным следствиям, связанным с глубинной трансформацией положения человека в мире: переход личности от преимущественно диалогического взаимодействия к сетевому, постановка личности в «центр мира» при помощи глобальной аудитории. Эти следствия выдвигают новые требования к сознанию личности: понимание как наиболее значимый аспект системы человеческого сознания уступает свое место перманентной интерпретации как основному механизму удержания личности в рамках и уровнях социальной сети, задающей основные параметры существования (не только виртуального, но и реального, даже материального). Сеть материализует виртуальность индивидуума, компенсируя ему подвижность и неустойчивость его основных жизненных опор: тезаурусных, аксиологических, чувственно-эстетических. Складывается триада базовых социокультурных процедур современности, необходимых для достижения минимальной стабильности: самотрансцендирование (как необходимая социокультурная процедура), гносеологическая интерпретация (как основная интеллектуальная процедура) — сетевая легитимация (как главная процедура социальной инкорпорации). При этом такие социокультурные критерии, как *массовое — элитарное, простое — сложное, высокое — низкое, устойчивое — подвижное*, снимаются в силу их полной включенности в состав вышеизложенных процедур.

Вместе с тем в силу ряда объективных причин (общего дефицита памяти, небольшого объема оперативной памяти, неспособной удерживать для эффективного анализа современные громадные объемы информации, увеличения информационных потоков) сознание индивидуума все время сталкивается с угрозой Опрокидывания, да-

же в тех случаях, когда, эффективное Преодоление было только что совершено. Для значимой самотрансценденции не хватает интеллектуальных и доступных информационных ресурсов. Для «предъявления миру» смыслов необходим все более глубокий уровень понимания, а он не может быть гарантирован индивидууму. Здесь осуществляется предел социального: дать понимание невозможно, необходим доступ к внутреннему фронтиру, находящемуся глубоко в индивидуальном сознании. Тем более, если совершенно достижимым является результат коллективного знания, то совершенно нереальной является задача *коллективного понимания смыслов*¹.

Для эффективного Преодоления необходим (причем не только в области высокой науки и искусства, но и в современной повседневности) дополнительный источник когнитивной энергии — Инсайт, содержащий элемент взрыва как качественного проникновения в смыслы. Инсайт можно представить и как «пиковое переживание» (А. Маслоу), и как вдохновение, и как проникновение. В своей последней работе Ю. М. Лотман определил параметры такого состояния: «Вдохновение и есть момент того творческого, эмоционального и интеллектуального напряжения, когда взрыв превращает ситуацию непереводаемости (символ-смысл — В. А.) в ситуацию перевода. Момент этот всегда совершается индивидуальным сознанием — коллективное сознание выступает как потребитель его результатов. Вдохновение как проявление высшего творческого напряжения носит характер вспышки и неизбежно перемежается с менее напряженными моментами творчества» [4, с. 64]. Инсайт, встроенный в когнитивную пару Самотрансценденция — Преодоление (Опрокидывание), выступает недостающим звеном модели социальной актуализации человека в современном мире. Возникающий в процессе информационно-текстовой деятельности Инсайт компенсирует невозможность охвата информационного пространства и запоминания его, выводит на первый план механизмы проникновения в смысл при помощи когнитивно-эмоционального усилия познания мира. Беда в том, что Вдохновение может не прийти, и тогда Опрокидывание неизбежно.

¹ Коллективное «наделение смыслами» находится в области ритуального и сакрального, но воспринимается гуманитарной наукой как технологии воздействия.

* * *

1. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / научн. ред. и предисловие В. И. Фурсова. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
2. Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте: пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 328 с.
3. Гройс Б. Против юмора // Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия как способ обмана масс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 5—11.
4. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. 232 с.
5. Манегетти А. Система и личность. М.: НФ «Антонио Манегетти», 2015.
6. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ., послесл. Т. С. Васильевой. М.: Наука 1997. 352 с.
7. Сулимов В. А. Понимание мира: человек в интеллектуальной культуре современности // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 2. С. 3—7.
8. Франкл В. Воля к смыслу: Пер. с англ. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2015. 144 с.
9. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
10. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / пер. с итал. О. А. Поповой-Пле. М.: Академический проект, 2016. 559 с.
11. Barrow J. D., Tipler F. J. The Anthropic Cosmological Principle (paperback revised edition), Oxford University Press: New York, 1988, 453 p.